

КОНВЕНЦИИ И ПРАВИЛА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Как известно, прагматлингвистика занимает особое положение среди лингвистических дисциплин. Это связано прежде всего с тем, что она охватывает широкий круг проблем, которые до этого изучались в разных разделах лингвистики или в смежных с лингвистикой дисциплинах. Со временем прагматические исследования стали обнаруживать тенденцию к стиранию границ между лингвистикой и смежными дисциплинами (психолингвистикой, социолингвистикой, этнографией), с одной стороны, и соседствующими разделами лингвистики (семантикой, риторикой) - с другой. Следовательно, вполне естественно, что прагматлингвистические исследования проводятся на основе междисциплинарного подхода, с учетом данных, полученных в смежных дисциплинах.

Изучение проблем речевого общения в рамках прагматлингвистики является главной задачей в одном из ее направлений — теории речевых актов (ТРА). ТРА характеризуется как "логико-философское по исходным интересам и лингвистическое по результатам учение о строении элементарной единицы речевого общения — речевого акта, понимаемого как актуализация предложения" (2:12).

В основе ТРА лежит деятельностный подход к общению. Основоположники ТРА и их последователи (Остин, Серл, Стросон, Сейдок и др.) рассматривали высказывание, произнесенное в данной коммуникативной ситуации, как деятельность —

совершение определенного акта с помощью речевых средств (просьб, угроз, обещаний и т.д.). Как отмечают исследователи, главным новшеством ТРА, установившим трехуровневое образование речевого акта, является иллокутивный уровень речевого акта, выделенный Дж. Остином и Г.Серлем. В результате этого содержательная структура высказывания была расширена: в нее стали включать не только пропозициональное содержание — значение высказывания, но и коммуникативное содержание — смысл высказывания, определяемый как интенция говорящего (т.е. иллокутивная сила высказывания). Это был новый подход к изучению речевой деятельности, “подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых ими языковых средств” (2:13).

Конвенции и правила речевого общения стали объектом исследования еще в работах классиков ТРА. Исходя из идей о конвенциональности языка, прагматлингвистами исследовались лингвистические и экстралингвистические конвенции отражения иллокуции. Исследование речевых актов со стороны иллокутивной силы привело к пониманию общения как управляемой правилами формы поведения, где иллокутивному акту приписывалась определенная зависимость от правил, обеспечивающих успешное совершение речевого акта. Следует отметить, что учет фактора адресата в ТРА во многом способствовал выявлению норм речевого общения в виде принципов — максим, регулирующих речевое общение индивидов данного социума. Одни из этих принципов являются обязанностями говорящего перед собеседником — предписания, которые делают обмен репликами наиболее эффективным, а также обеспечивают вывод имплицитно содержащихся в

высказывании семантических компонентов (коммуникативных имплицатур) (9). Другая же группа принципов общения относится к сфере социальных норм (10). "Принцип вежливости" Дж. Лича является дополнением к "принципу кооперации" П. Грайса и призван обеспечить бесконфликтное общение — необходимое условие для успешного речевого взаимодействия коммуникаторов (а).

Максимы общения, предложенные Грайсом и Личем раскрыли структуру социальных конвенций речевого общения, но, как справедливо указывает Л. Апостел, они ограничены лишь изучением кооперативных типов общения, где участники речевого общения предрасположены к бесконфликтному общению. На самом деле, речевая коммуникация помимо сотрудничества характеризуется также конфликтностью и антагонизмом коммуникантов.

Как мы уже отметили, ТРА — один из подходов к изучению речевой деятельности — речи в действии, непосредственной коммуникативной ситуации. Следует признать, что ввиду определенных недостатков она не стала теорией речевого взаимодействия. Исследуя столь широкий объект — речь в действии, ТРА вместе с тем максимально сужает свой объект исследования, сделав им единичный речевой акт. В этом смысле справедливы замечания исследователей в адрес ТРА, упрекающих ее в том, что она игнорирует динамическую и стратегическую природу общения.

Несмотря на то, что исследователи ТРА не пришли к пониманию речевого общения, как взаимодействия коммуникантов, в рамках ТРА были выявлены коммуникативные принципы, определяющие динамику речевой деятельности. Более

того, именно некоторые положения ТРА способствовали разработке правил и конвенций речевого взаимодействия:

1. интерпретация косвенного выражения интенции, как тактического приема направленного на предотвращение речевого конфликта;
2. исследование нарушения тех или иных правил общения для передачи различных прагматических имплицатур;
3. понимание роли социальных конвенций в межличностном общении.

Переход к изучению конвенций дискурса связан с пониманием речевого общения, как одного из видов социальной деятельности в теории интеракции (Interaction Theory). Как известно, теория речевой интеракции – особая теория речевой деятельности, которая является закономерным развитием ТРА. Именно в ней были преодолены многие недостатки ТРА – статический подход, анализ изолированных речевых актов, оторванных от реального процесса общения, отрыв от социальных контекстов общения. Для теории интеракции вопросом первостепенной важности становится не только выявление принципов и правил общения, но и изучение диалогических стратегий и тактик, а также социальных норм и правил – элементов культуры, регулирующих речевое поведение коммуникантов (8:11). Важно отметить, что исследования в этом направлении прагмалингвистики выходят за рамки лингвистики и проводятся с опорой на когнитивную лингвистику, этнографию и социолингвистику. Понимание коммуникативного процесса как регулируемого правилами типа деятельности уже существовало в социальной психологии и теории фреймов. В рамках последних коммуникация понималась не как спонтанная деятельность, где

царит хаос, а как деятельность, которая находится под контролем сознания и планируется коммуникантами заранее. Роль сознания в процессе общения во многом определяется знанием коммуникантами речевых стратегий и тактик, а также социальных норм общения. Эти знания, как отмечает исследователь речевых структур Х.Вйм, составляют систему интерактивных компетенций (5:8).

Таким образом, ведение коммуникации (понимание и порождение высказываний) является когнитивным процессом, основанным на знаниях коммуникантами определенных приемов, лежащих в основе общения. Причем сознательному планированию поддается как отдельный речевой ход, так и большой отрывок речевого взаимодействия. В этом смысле уместно процитировать В.Цамкюнер, которая считает, что "каждое высказывание в интеракции — это стратегия" (12:257).

Следует отметить, что в лингвистической литературе нет однозначного понимания и определения речевых стратегий и тактик — терминов взятых из военной науки и экономики, отражающих определенные регулярности речевого поведения коммуникантов. В работах некоторых русских прагмалингвистов стратегия считается творческой реализацией коммуникантом "плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой/неязыковой задачи общения в речевом событии" (1:40).

В рамках прагмалингвистики принято также трактовать речевые стратегии в качестве эффективности действий коммуникантов. Стратегия при этом рассматривается как способ, стиль речевого действия, обеспечивающий достижение коммуникативной цели наиболее оптимальным путем. При этом, эффективность речевых действий понимается двояко:

1. уместность использования определенного речевого акта в конкретной речевой ситуации (7);
2. когерентность последовательности речевых действий (12).

В теории интеракции принято также более широкое понимание речевых стратегий, в качестве речевых способностей относящихся к ментальному миру, т.е. умственной структуре коммуникантов. У.Эдмондсон считает речевые стратегии коммуникативными компетенциями, в которых проявляются творческие аспекты исследования языка (8:115).

Что касается речевых тактик, наиболее приемлимым представляется определение последнего как “ гибкое динамическое использование говорящим имеющихся у него вербальных умений построения речевого хода согласно намеченному им плану речевых действий с целью достижения языковой задачи общения, ограниченной рамками взаимодействия, обычно — получения искомого ответного хода слушающего или его вербальной реакции на свой инициальной речевой ход” (1:39).

Итак, как нам представляется, исследование речевых стратегий и тактик подтвердило, что речевое общение действительно сознательно регулируется коммуникантами, так как их стратегии и тактики меняются в ходе общения в зависимости от коммуникативной ситуации. Следует отметить, что в настоящее время роль речевых стратегий и тактик в организации связанного дискурса недостаточно изучена. Правда, некоторыми учеными уже были предприняты попытки создания схем речевых стратегий коммуникантов, а также была поставлена задача выявления роли различных коммуникативно-семантических элементов высказывания в реализации речевых стратегий. И все же, разработка типологии стратегий и тактик — вопрос будущего. Вза-

использование речевых стратегий и тактик коммуникантов, гибкое использование ими знаний правил интеракции с целью регулирования процесса общения — вопросы, которые требуют пристального внимания исследователей.

Для изучения закономерностей организации дискурса, кроме речевых стратегий и тактик релевантна также система правил, которая определяется социальными нормами и конвенциями. Деятельностный подход к языку опирается на понимание речевого общения, как одной из форм социальной деятельности. Работы в этом направлении ведутся с опорой на социолингвистику и этнографию, где исследуются социальные и этикетные нормы речевой деятельности, а также возможности варьирования речевых единиц в зависимости от социальных факторов общения (статус коммуникантов, их возраст, пол, степень официальности/интимности коммуникативной ситуации и т.д.). Исследования, проводимые в рамках прагмалингвистики выявили, что речевое поведение коммуникантов контролируется определенными социальными нормами, которые в виде императива определенной жесткости детерминируют организацию общения (4:102). Очевидно, как нам представляется, имеет смысл рассматривать действие этих социальных норм в качестве речевых конвенций, вместе с максимами и принципами общения.

Исходя из вышесказанного, хотелось бы уточнить, что под конвенциональностью следует понимать "социальное измерение регулярных человеческих действий, имплицитную систему правил, ожиданий и поведения" (6:63). При такой трактовке конвенций, речевые действия собеседников могут быть представлены в виде речевых стереотипов, образующих определенные коммуникативные схемы (6).

Работы направленные на выявление коммуникативных схем, позволят наиболее адекватно смоделировать коммуникативные ситуации и предопределить возможные речевые ходы коммуникантов в тех или иных типах общения. Разработка коммуникативных схем на основе конвенциональных коммуникативных структур может способствовать также выработке критериев успешности общения, а также исключению возможных, но неуспешных речевых ходов в процессе речевого взаимодействия.

Именно в этом заключается важность и актуальность рассматриваемой в данной статье проблемы — проблемы изучения конвенциональной природы речевого взаимодействия, управляемого коммуникативными максимами и социальными нормами, а также речевыми стратегиями и тактиками.

П Р И М Е Ч А Н И Е

а) Понятие успешности общения было впервые выработано в рамках ТРА, где под ним понималась правильность построения иллокутивного акта в определенных условиях коммуникации. С переносом акцента на адресованность речевого общения понятие успешности переносится на правильное декодирование собеседником иллокутивной силы высказывания говорящего. Но несмотря на то, что здесь в определенной степени учитывается роль собеседника в общении, все же, успешность общения не считается результатом коммуникативного вклада обоих собеседников. Лишь с развитием теории интеракции, где учитывается коммуникативный вклад обоих коммуникантов в процессе реализации цели общения, ученые стали рассматривать успешность с точки зрения реализации макроцели, которая, согласно Ван Дейку, является прагматической функцией дискурса. Успешность общения может рассматриваться также с точки зрения построения собеседником адекватной реакции на реплику говорящего.

Проблема успешности общения с точки зрения реализации коммуникативной цели участников общения была разработана также в теории аргументации Апостолом и Хинтиккой. Как известно, благодаря развитию диалогической логики, аргументация стала рассматриваться не как логический прием подачи цепи суждений одного коммуниканта, а как определенная последовательность аргументов двух коммуникантов, выступающих за или против истинности суждения.

В теории интеракции доказательство истинности своего суждения является коммуникативной целью каждого из собеседников, чем и определяется успешность речевого взаимодействия.

б) Попытки описания подобных стереотипных коммуникативных структур уже были предприняты в работах некоторых русских и американских ученых (Сухих, Эдмондсон, Бэртон, Ван Дейк).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зернецкий П.В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковое общение: процессы и единицы. - Калинин, 1988. - С.36-41.
2. Кобозева И.М. Основы теории речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике; - М., 1986. Вып.17. С. 5-21.
3. Миллер Дж. Планы и структура поведения., 1965
4. Сухих С.А. Организация диалога // Языковое общение: единицы и регулятивы. - Калинин, 1987. - С.95 - 102.
5. Ыйм Х.Я. Семантика и теория понимания языка // Автореф. Дис... д-ра фил. наук. - Тарту. 1983
6. Beyer K. Sprechen und situationen. - Tübingen, 1977
7. Dijk T.A. van, Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. - N.Y., 1983
8. Edmondson W. Spoken Discourse. L., 1981
9. Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. N.Y. 1975.-Vol.3-p.41-58
10. Leech G.N. Principles of Pragmatics .-L., 1983
11. Verschueren J. Understanding Pragmatics. L., 1999
12. Zammuner V. Speech Production: Strategies in Discourse Planning. - Hamburg, 1981